

КАК ВАЖНО БЫТЬ СЕРЬЕЗНЫМ: О НЕКОТОРЫХ КРИТИКАХ ГЕТТИЕРА

Л.Д. ЛАМБЕРОВ

Статья посвящена анализу критических замечаний по отношению к статье Э. Геттиера «Является ли знанием истинное и обоснованное убеждение?» Демонстрируется, что (1) пересмотр определения понятия знания, сформулированный Г.К. Ольховиковым, подвержен контрпримерам Э. Геттиера и (2) критика контрпримеров А.Л. Никифоровым является необоснованной.

Ключевые слова: природа знания, истинное обоснованное мнение, проблема Геттиера.

Последняя пьеса, которую написал О. Уайльд, называется «The Importance of Being Earnest», что обычно переводят на русский язык «Как важно быть серьезным». В своей статье, однако, я собираюсь обсудить не те или иные филологические изыскания и не сложные отношения философии и литературы, а проблему знания. В частности, в центре обсуждения настоящей статьи будут находиться контрпримеры Геттиера и их недавняя критика во втором выпуске журнала «Логос» и в третьем выпуске журнала «Эпистемология & философия науки» за 2009 г. Хотелось бы сразу отметить, что сама по себе программа исследования понятия знания кажется мне вторичной по отношению к исследова-

КАК ВАЖНО БЫТЬ СЕРЬЕЗНЫМ: О КРИТИКАХ ГЕТТИЕРА

нию понятия обоснования. Поэтому на знаменитый вопрос «является ли знанием истинное и обоснованное убеждение?» ответа в данной статье не будет.

1. Как должно быть всем широко известно, в своей короткой статье Э. Геттиер стремится опровергнуть традиционное определение знания как истинного и обоснованного убеждения. Делает он это при помощи двух контрпримеров, в которых субъект знания в конце концов обладает истинным и обоснованным убеждением, но мы не можем сказать, что этот субъект обладает знанием. Приведу один из этих примеров. Смит и Джонс хотят получить работу. Директор компании, в которую они подали документы, заверил Смита, что

(П-1) Джонс получит работу.

Далее, Смит увидел, как Джонс пересчитал монеты (их оказалось ровно 10) и положил их в карман. Поэтому Смит считает, что

(П-2) У Джонса в кармане 10 монет.

Из (П-1) и (П-2) Смит делает вывод, что

(В) Человек, у которого в кармане 10 монет, получит работу.

Тем не менее работу получит Смит, и, более того, у него в кармане лежит 10 монет, о которых он даже не подозревает. Таким образом, утверждение (В) является истинным и обоснованным. Но Смит не знает, что (В). Он не обладает знанием, что (В).

Вроде бы все в порядке, но вызывает большое сомнение утверждение (П-1). Кажется, что так как оно ложно, то оно и является тем камнем преткновения, о который спотыкается традиционное определение знания. Можно ли избежать контрпримеров Геттиера путем запрета на использование ложных посылок? В частности, именно такой подход предлагает Г.К. Ольховиков¹ (определение 4, пункт 2). Мне неизвестно, насколько Ольховиков знаком с творчеством О. Уайльда, но, думаю, будь это знакомство более близким, он не стал бы так торопиться с опровержением «простых» контрпримеров. Ведь контрпримеры Геттиера (далее любой контрпример, нацеленный на опровержение определения знания, я буду называть контрпримером Геттиера) возникают даже и в этом случае. Предположим, некто Джек познакомился с молодой девушкой и назвался Эрнестом. Она не распознала его ложь. Более того, он произвел на девушку очень хорошее впечатление и она решила, что может полюбить только такого человека, которого зовут Эрнест, а если кого-то зовут не Эрнест, то того она полюбить не может. Тем не менее ни Джек, ни эта девушка даже

¹ Ольховиков Г.К. Знание как истинное и обоснованное мнение: как обезвредить контрпримеры // Логос. 2009. № 2.

не догадываются, что настоящее имя Джека как раз Эрнест. У обманутой девушки есть *истинное* и обоснованное убеждение, что молодого человека, которого она полюбила, зовут Эрнест. Знает ли она, что того самого обманщика Джека на самом деле назвали Эрнестом?

Либо можно предположить что-то менее драматичное. Молодой человек пригласил к себе девушку под предлогом помочь ей решить контрольную работу по логике. Девушка (позволим себе это) *знает*, что в комнату этого молодого человека никто не может войти, кроме них двоих. Настает условный час, и она открывает дверь. В комнате темно, но она ясно различает силуэт человека, сидящего за столом. Девушка заключает, что молодой человек находится в комнате. На самом же деле молодой человек не сидит за столом, он спрятался под ним, а силуэт – это слегка наряженный скелет, который должен стать инструментом его грубой шутки. У девушки есть *истинное* и обоснованное убеждение, что молодой человек находится в комнате. Но знает ли она это?

Теперь коротко рассмотрим одну из этих ситуаций. Например, первую. Молодая девушка имеет истинное и обоснованное убеждение, что ее собеседника зовут Эрнест. Оно обоснованно потому, что этот молодой человек сам так назвался. Далее, это убеждение истинно потому, что так в действительности зовут этого молодого человека, пусть даже он сам этого не знает. Присутствуют ли ложные посылки в рассуждениях молодой девушки?

На второй мой контрпример Ольховиков мог бы возразить, указав, что девушка выводит утверждение «Мой друг, который поможет решить контрольную по логике, находится в комнате» из утверждения «Мой друг, который поможет решить контрольную по логике, сидит за столом», которое является ложным и поэтому не является знанием. А так как его определение 4 из статьи требует, чтобы все утверждения, входящие в обоснование, были истинны, то данный пример «легко» отбрасывается как нарушающий настоящее условие.

Тем не менее каков критерий отбора утверждений, участвующих в обосновании? Является ли таким утверждением именно «Мой друг, который поможет решить контрольную по логике, сидит за столом» или что-то другое? Следует отметить, что ложное утверждение можно искусственным образом «встроить» в обоснование, исключив таким образом любой (даже верный!) пример знания. К примеру, история о Джеке-Эрнесте не исключается требованиями Ольховикова, но если добавить в обоснование рассуждений девушки какую-нибудь ложную посылку (например, «симпатичные молодые люди всегда говорят только правду»), то требования делают свою работу *ad hoc*. Задним числом можно выдумывать такие дополнительные посылки (и ложные, и истинные) сколько угодно. Выдумывание ложных посылок, безусловно, будет подрывать и верные случаи знания. Например, молодой человек мог не соврать девушке и назваться Эрнестом. Знает ли в таком случае эта девушка, что она любит Эрнеста? И да, и нет.

Она это знает, если никаких «новых» посылок не добавляется в анализ ее рассуждений. Однако она не знает этого (по определению Г.К. Ольховикова), если мы добавим в ее рассуждения «новую» ложную посылку, например о том, что симпатичные молодые люди всегда говорят только правду. В связи с этими рассуждениями следует упомянуть интересную модификацию определения 4 (определение 4.1), призванную, по мнению Ольховикова, отбрасывать избыточные переходы обоснования. Ольховиков верно замечает, что структура правильного обоснования приближается к структуре вывода в немонотонной логике. Действительно, дальнейшая разработка проблемы знания в этом русле может, вероятно, дать плоды в отношении проблемы критерия отбора посылок обоснования.

Понимание обоснования, развиваемое в статье Ольховикова, близко «доксастическим» теориям обоснования (фундаментализм, когерентизм). В более узком и конкретном смысле понимание обоснования Ольховиковым приближается (стремится?) к дедуктивному выводу. Но сразу же возникает вопрос, всегда ли обоснование² должно (и может ли?) иметь дедуктивную форму? А также может ли у посылок такого вывода отсутствовать дедуктивное обоснование (т.е. могут ли они не быть, согласно определению, знанием)? Удивительно предположить, что когнитивный агент может получить какое-то знание из того, что знанием не является. Необходимо, как представляется, требование, чтобы все промежуточные утверждения в обосновании также были знанием. Иначе что это за обоснование без знания? Поэтому, как кажется, обоснование должно пониматься более широким способом. В конечном счете если обоснование понимается исключительно дедуктивно, то что вообще мы можем знать? Может ли читатель знать, что он в данный момент читает эту статью? Производит ли он для ответа на этот вопрос какие-то дедуктивные умозаключения? В повседневной ситуации человек (а ведь мы хотим определить человеческое знание!) не будет сам себе доказывать, что он в тот или иной момент читает какую бы то ни было статью. Но разве это означает, что он не обладает знанием? Необходимо также указать, что Г.К. Ольховиков, конечно, знает, что он никогда не был на Луне, но должен ли он обосновать это дедуктивно?

2. В интересной и весьма дискуссионной статье другого автора³ приводятся доводы в пользу того, что контрпримеры Э. Геттиера не являются проблемой для анализа понятия «знание» (а лишь для ана-

² Интересное обсуждение проблемы обоснования см.: *Вострикова Е.В.* Знание и каузальное обоснование // *Логос.* 2009. № 2. На сомнения относительно обоснованности самого обоснования проливают свет гл. 5 и 6 книги Дж. Поллока и Дж. Круца: *Pollock J., Cruz J.* Contemporary Theories of Knowledge. Lanham, MD : Rowman & Littlefield, 1999.

³ *Никифоров А.Л.* Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы // *Эпистемология & философия науки.* 2009. № 3.

лиза употребления глагола «знать»), а также представляют собой «очень наглядный пример софистики и демагогии»⁴. А.Л. Никифоров полагает, что само опровергаемое контрпримерами определение (знание есть истинное и обоснованное убеждение) содержит в себе круг. По мнению А.Л. Никифорова, данное определение сводится к определению: *S* знает, что *p*, тогда и только тогда, когда *p* является знанием⁵. Тем не менее представляется, что такой анализ неверен, так как неверно отождествление истины и знания, осуществляемое А.Л. Никифоровым: «обоснованная убежденность станет знанием только в том случае, когда *p* истинно, т.е. является знанием»⁶. Серьезно ли автор полагает, что если какое-то *p* истинно, то оно является знанием? Вспомним известный пример Б. Больцано о вишневом дереве. На вишне в определенный момент находится некоторое строго определенное число вишен (это число в каждый отдельный момент одно и не может в этот момент вдруг измениться). Далее, никто не считал, сколько вишен находится на дереве. Однако, согласно Больцано, существуют предложения-в-себе (предложения, которые никто никогда, может, и не высказывал) о числе вишен. Более того, во всякий отдельный момент времени одно из этих предложений-в-себе является истиной-в-себе, т.е. оно истинно даже в том случае, если это никому не известно. Однако является ли чьим-то знанием эта самая истина-в-себе? Возможно ли, что вокруг нас или в каком-нибудь третьем мире летают эти самые знания, которые никому не принадлежат?

Но может быть, имелась в виду антиреалистская точка зрения? Согласно антиреализму, утверждение может быть истинным или ложным только в том случае, когда это известно какому-то когнитивному агенту. Например, те самые предложения-в-себе получают истинностное значение (и соответственно одно из них станет истиной-в-себе) только в том случае, когда кто-нибудь пересчитает вишни на дереве. Согласно этой трактовке, *p* не может стать истинным прежде того, чтобы оно стало знанием. Эта трактовка также подразумевает, что нет какой-либо «третьей», отвлеченной и абсолютно объективной точки зрения. Говоря метафорически, пока вишни не подсчитаны, нет и числа вишен. Такая позиция сводится к тому, что я *знаю*, что *p*, и *поэтому* оно истинно. В таком случае определение действительно сводится к тривиальности. Но такой ли случай имел в виду Э. Геттиер, и такое ли определение знания и истины имеем в виду мы, когда говорим о чем-то? На самом же деле число вишен существует даже до того момента, когда вишни подсчитаны. В конце концов мы можем начать считать вишни и остановиться, например, на двух. Уже это будет означать, что на дереве находится какое-то число вишен. Однако сколь-

⁴ Никифоров А.Л. Указ. соч. С. 65.

⁵ Там же. С. 64.

⁶ Там же.

ко вишен на дереве, не будет знать никто. Мы будем знать лишь, что на дереве есть сколько-то вишен. Но из того, что на дереве есть сколько-то вишен, следует, что на дереве есть какое-то определенное число вишен в определенный момент времени. Вишни не исчезают и не появляются по собственному желанию. Странно полагать, что журнал «Эпистемология и философия науки» существует только тогда, когда я достаю новый выпуск из почтового ящика. Знанием мы называем то, что объективно и субъективно (тут стоит вспомнить хотя бы И. Канта), а не только то, что субъективно.

Далее, Никифоров разбирает контрпримеры Геттиера. В частности, контрпример с получением работы критикуется за то, что нельзя объявлять истинным утверждение о будущем. Во-первых, для сохранения контрпримера можно индексировать утверждения по времени. Изменим лишь одну деталь. Предположим, что в момент t у Джонса и у Смита в кармане 10 монет, а Смит полагает, что работу получит человек, у которого в момент t в кармане было 10 монет. При такой индексации контрпример легко спасается от критики А.Л. Никифорова. Во-вторых, Никифоров полагает, что когда «одна из посылок не является истинной, ее истинностное значение нам неизвестно, вывод сделать нельзя»⁷. Как это нельзя? Значит, в классической логике из противоречия нельзя вывести все, что угодно? Значит, из того, что $1 + 1 = 1$, Б. Рассел не мог вывести, что он является римским папой? То, что одна из посылок не является истинной, не означает, что мы не можем из этих посылок что-то выводить. Это лишь будет означать, что то, что мы получим, не обязательно (хотя и может!) окажется истинным. Так как из противоречия следует все, что угодно, то из $1 + 1 = 1$ следует, что $1 + 1 = 2$. И никто не может запретить второму утверждению оказаться истинным. Поэтому пример вполне корректен. Здесь важно быть серьезным.

Контрпример с Фордом А.Л. Никифоров опровергает обвинением Геттиера в логической безграмотности. В частности, он полагает, что при выводе A или B из A отношение логического следования Геттиер отождествляет с «материальной импликацией»⁸. Но в свете того, что для классической пропозициональной логики доказуемы теоремы о непротиворечивости (все, что выводимо, является истинным) и о полноте (все, что истинно, является выводимым), логическое следование в данном случае вовсе не отождествляется с материальной импликацией.

Кроме всего прочего, контрпримеры Геттиера не являются контрпримерами против анализа употребления выражения «знать, что». Контрпримеры Геттиера являются контрпримерами к определению знания. Определение «знать, что» может быть переформулировано в

⁷ Никифоров А.Л. Указ. соч. С. 66.

⁸ Там же. С. 67.

определение знания. Например, « S знает, что p , тогда и только тогда, когда [...]» переформулируется в « p является знанием когнитивного агента S тогда и только тогда, когда [...]». Более того, как верно подмечает П.С. Куслий, «если философ дает определение знанию, которое не соответствует языковому употреблению термина “знание” или “знать”, то вряд ли можно считать его определение удовлетворительным»⁹. Не следует выдумывать какие-то фикции, нужно работать с тем, что есть на самом деле.

Закончить же мне хотелось бы указанием на серьезную исследовательскую позицию В.А. Лекторского, согласно которому в аналитической философии «можно найти и схоластику, и искусственно сконструированные ситуации», но контрпримеры Э. Геттиера представляются «поучительными»¹⁰.

⁹ Куслий П.С. В защиту «психо-лингвистического» подхода // Эпистемология & философия науки. 2009. № 3. С. 89.

¹⁰ Лекторский В.А. О проблеме знания // Эпистемология & философия науки. 2009. № 3. С. 76.